

И. С. ВАХРОС:

К истории бани в свете ее наименований в славянских языках

Совсем недавно вышел на шведском языке капитальный труд финского этнографа Илмара Талве, посвященный истории бани в Северной Европе.¹ В этом исследовании есть особая глава, в которой автор описывает также парную баню в России.² Естественно, что при комплексном изучении бани на обширной территории Талве сумел сделать целый ряд интересных выводов и об истории бани у славян.

Талве утверждает, что славяне, войдя в VI–VII вв. в контакт с прибалтийскими финнами “знали уже три наименования бани [= *bastu*] и мыльни [= *bad*] (*banja*, *laznja mylnja*) и имели, кроме того, общее с балтийцами, возможно у них заимствованное, наименование *pertb*”.³ Слово *banja*, по его мнению, является заимствованием и отражает банные традиции народов Средиземного моря, тогда как другие названия бани-мыльни связаны с различными специфическими чертами процесса мытья. *Laznja*, по мнению Талве, возможно, означало баню-землянку [= *jordbastu*], а слово *mylnja* было связано с процессом омовения. “*Pertb*”, – пишет он, – “дополняет терминологию в смысле “парение в бане, связанное с использованием веника”.⁴ Автор полагает, что обычай части славян париться в бане может восходить к тем отдаленным временам, когда славянские племена жили на своей прародине по соседству с балтийцами. Общеизвестно, что среди балтийцев баня и теперь пользуется популярностью. В особенности это относится к латышам, а отчасти и к жителям Литвы.⁵

В настоящее время парные бани распространены по всей северной территории Восточно-Европейской равнины. Встречаются они повсеместно не только среди северо- и средневеликорусов, но и у северных

¹ Ilmar Talve, *Bastu och torkhus i Nordeuropa* (= Nordiska Museets Handlingar 53), Stockholm 1960.

² *Op. cit.*, стр. 414–429.

³ *Op. cit.*, стр. 463.

⁴ *Ibidem*.

⁵ A. Bielenstein, *Die Holzbauten und Holzgeräthe der Letten*, St. Petersburg 1907, стр. 110–114; F. Tetzner, *Haus und Hof der Litauer* (= Globus LXXII), Braunschweig 1897, стр. 253; I. Talve, *op. cit.*, стр. 407, 410.

и восточных белорусов. Большинство южных великорусов и украинцев, как правило, бани не знает. Южная граница распространения парных бань проходит от Балтийского моря (Литва) через северные и восточные окраины Белоруссии (по Западной Двине и Днепру), захватывает северную часть Черниговщины, всю Смоленщину, север б. Калужской, Тульской и Рязанской губерний (приблизительно по реке Оке) и идет далее через Башкирию (южнее городов Белебея и Уфы) в направлении к Златоусту. За Уралом бани встречаются во всех русских селениях.⁶

Бани строятся, в целях предотвращения пожара, обычно на задворках, часто скученно. При наличии вблизи деревни естественных водоемов бани стоят на берегу речки или озера.⁷ Обливание холодной водой, купанье в реке и барахтанье в снегу после горячей бани известно русским с древнейших времен, что не раз отмечалось многими исследователями русского быта, а также зафиксировано в русских летописях.⁸

Наиболее распространенный тип русской бани, – это т. н. *чёрная баня*. Такая баня представляет собою небольшую однокамерную срубную постройку с низкой дверью. *Предбанник* характерен в первую

⁶ D. Zelenin, *Russische (Ostslavische Volkskunde)*, Berlin-Leipzig 1927, стр. 255; Н. И. Лебедева, *Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР*, Москва, 1929, стр. 72; К. Moszyński, *Kultura ludowa Slowian I*, Kraków 1929, стр. 533; Е. Э. Бломквист, *Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов* (= Восточнославянский этнографический сборник), Москва, 1956, стр. 340; Talve, *op. cit.*, стр. 414.

⁷ Zelenin, *op. cit.*, стр. 253; Бломквист, *ук. соч.*, стр. 345; Talve, *op. cit.*, стр. 414.

⁸ Ср. общеизвестное место в *Повести временных лет* (следующая цитата приводится по книге А. А. Шахматова, *ПВЛ I*, Петроград, 1916, стр. 8), где в легенде о путешествии апостола Андрея говорится о мытье и парении в бане у новгородских славян: "...видѣ ту люди сушая, како есть обычаи имѣ, и како ся мыють и хвоцються, и удивися имъ..."; "дивьно видѣхъ землю Словѣнску, идущю ми сѣмо; видѣхъ банѣ древяны, и прежьгуть я рамяно, и сьвлекуться, и будутъ нази, и облѣются квасѣмъ уснянѣмъ, и възьмутъ на ся прутье младое, и бють ся сами, и того ся добиять, едва вылѣзуть лѣ живи, и облѣются водою студеною, и оживуть". – Ср. также отрывок из рассказа Адама Олеария (Начало XVII в.) о русской бане (*Описание путешествия*, СПб., 1906, стр. 208): "Они в состоянии переносить сильный жар, лежат на полкѣ и венниками нагоняют жар на свое тело и трутся ими (это для меня было невыносимо). Когда они совершенно покраснеют и ослабнут от жары до того, что не могут более вынести в бане, то и женщины, и мужчины голые выбегают, окачиваются холодной водой, а зимою валяются в снегу и трут им, точно мылом, свою кожу, а потом опять бегут в горячую баню. Так как бани обыкновенно устраиваются у воды и у рек, то они из горячей бани устремляются в холодную". Далее Олеарий продолжает свое описание так: "Подобного рода мытье видели мы не только в России, но и в Лифляндии и Ингерманландии; и здесь простой люд, в особенности

очередь для более усовершенствованного типа бани, для т. н. *белой бани*.⁹ Черные бани строятся обыкновенно без потолка, а крыша состоит из жердей или горбылей, настланных прямо на сруб. Крыша засыпается иногда землей. *Каменка*, сложенная из крупных валунов, сверх которых лежат мелкие булыжники, находится обычно в переднем углу бани (такое же расположение каменки характерно, например, для бань в Эстонии, Латвии, Литве).¹⁰ Устье каменки обращено к двери, чтобы дым при топке скорее улетучивался. Булыжники, накалившиеся от топки докрасна, поливают водой для поддавания пару. Парятся в бане березовым веником, сидя или лежа на полке, который находится обыкновенно за каменкой. Лавки для мытья расположены у остальных двух стен бани. В более усовершенствованных черных банях дым выходит не только через дверь, но и через *дымоволок*, небольшое отверстие, прорубленное в стене над каменкой, или через особый *дымник*, т. е. отверстие в крыше, снабженное трубой из досок.¹¹

Значительно примитивнее черной бани – *баня-землянка*, встречающаяся и теперь в бедных лесом районах России (местами в Белоруссии, в Псковской области и в Среднем Поволжье). Такие бани выкапываются в крутых речных берегах или в пригорках. В эти бани иногда влезают париться через крышу.¹²

– финны, в суровейшее зимнее время, выбегали из бань на улицу, терлись снегом, а затем опять убежали греться... Поэтому-то финны и латыши, так же, как и русские, являются людьми сильными и выносливыми, хорошо переносящими холод и жару” (стр. 209); ср. также Н. И. Костомаров, *Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях*, СПб., 1860, стр. 98–99.

⁹ См. описание *белой бани* у Бломквист, *ук. соч.*, стр. 344.

¹⁰ K. Rhamm, *Die altslawische Wohnung* (= Germanische Altertümer aus der slawisch-finnischen Urheimat I), Braunschweig 1910, стр. 324–326; Zelenin, *op. cit.*, стр. 254; Бломквист, *ук. соч.*, стр. 342; Talve, *op. cit.*, стр. 403, 411, 415.

¹¹ Н. Никифоровский, *Очерки простонародного жителя-бытья в Литовской Белоруссии*, Витебск, 1895, стр. 289; М. Б. Едемский, *О крестьянских постройках на севере России* (= Живая Старина XXII), СПб., 1913, стр. 85; Бломквист, *ук. соч.*, стр. 342. – См. планы черных бань: Едемский, *ук. соч.*, рис. 45 и И. В. Маковецкий, *Памятники народного зодчества Верхнего Поволжья*, Москва, 1952, рис. 12. – Любопытно высказывание Бломквист (*ук. соч.*, стр. 346) относительно устойчивости плана черной бани у великорусов. Автор пишет: “Почти всегда в бане каменка стоит у входа, устьем повернута вбок, чтобы дым сразу мог уходить в дверь, за каменкой расположен полк, по стенам идут лавки; иначе говоря, план бани совпадает с современным западнорусским и белорусским планом жилища [разрядка моя – И. В.], т. е. повторяет собой одну из древних стадий жилища древнерусской народности”. – См. также Н. Н. Воронин, *Жилище* (= История культуры древней Руси I), Москва, 1948, стр. 228.

¹² Zelenin, *op. cit.*, стр. 253; ср. Moszyński, *op. cit.*, стр. 533–534; Бломквист, *ук. соч.*, стр. 344.

Русские – так же, как финны, эстонцы, латыши и литовцы ходят в баню (по крайней мере раз в неделю, обычно по субботам) собственно не для мытья, а главным образом для того, чтобы там попариться. В парной бане наличие горячей воды как в гигиеническом, так и в физиологическом отношении вовсе не обязательно. Поэтому воду в бане часто лишь немного подогревают. Русские, например, опускают в кадку с водой горячие булыжники с каменки.¹³

В русской народной медицине баня занимает видное место: к ней прибегают при лечении различных заболеваний.¹⁴ Ритуальная свадебная баня была известна не только в крестьянском быту, но и в царских свадебных церемониях.¹⁵ Баня играла значительную роль также в обрядах, связанных с рождением ребенка и с проводами и поминками покойника.¹⁶ Всё это богато отражено в русском фольклоре и известно в той или иной степени также среди других народов, приобщившихся к культуре бани.

В Западной Белоруссии и в некоторых краях, заселенных великорусами, где бань мало или их вовсе нет (например, некоторые уезды б. губерний Ярославской, Вологодской, Тверской, Тамбовской и Самарской), крестьянское население моется и парится в русских печах. Такое парение бытовало и отчасти бытует до сих пор, между прочим,

¹³ Никифоровский, *ук. соч.*, стр. 290; Н. Иваницкий, *Сольвычегодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность* (= Живая Старина VIII), СПб., 1898, стр. 23.

¹⁴ Ср. поговорки: “Баня парит, баня правит”, “Когда б не баня, все б мы пропали” (В. Даль, *Пословицы русского народа*, Москва, 1957, стр. 584); С. А. Токарев (*Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX века*, Москва-Ленинград, 1957, стр. 125) пишет: “Широкое применение бани в народной медицине основано тоже на стремлении выгнать болезнь из тела паром и жаром – способ, во многих случаях вполне допускаемый и научной медициной”; Бломквист, *ук. соч.*, стр. 339.

¹⁵ J. Piprek, *Slawische Brautwerbungs- und Hochzeitsgebräuche*, Stuttgart 1914, стр. 7, 59, 178; Zelenin, *op. cit.*, стр. 255, 313; Григорий Котошихин, *О России в царствование Алексея Михайловича*, изд. 2-е, СПб., 1859, стр. 12; А. И. Козаченко, *Истории великорусского свадебного обряда* (Советская Этнография, 1957: 1), стр. 59, 65.

¹⁶ В *Слове св. отца нашего Иоанна Златоустого* (список XV в.) рассказывается, как древние славяне готовили баню для усопших: “Навѣмъ мовѣ творять... и на печь и льюще въ бани мытися имъ велят, чехоль и убрусь вѣшающе въ молвици (вм. мовници!)” (см. V. J. Mansikka, *Die Religion der Ostslaven I* (= FF Communications N:o 43), Helsinki 1922, стр. 174; ср. также *Слово св. Григория по Чудовскому списку* (XVI в.), где читаем: “... чехлы и оуброусь оу мѣвницѣ вѣшають, мывшеся цѣлоуютъ переть и кланяются” (Записки Импер. Моск. Археол. Института XVIII, Москва, 1913, стр. 34).

среди латышей, тверских карелов, вепсов, а также кое-где в Германии (Липпе).¹⁷

Баня русского типа как по своей конструкции, так и по своим функциям имеет целый ряд точек соприкосновения с западнофинско-балтийским и восточнофинско-карельским типами бани.¹⁸ В настоящее время между названными типами бани наблюдаются различия, которые сводятся в основном к следующему: отличное друг от друга расположение каменки (в переднем или заднем углу), различные виды самих каменок (открытые или закрытые), разная топка бань (по-черному или по-белому), отсутствие или наличие предбанника, различные виды самого предбанника и т. д.

Одним из древнейших др.-р. слов в значении 'баня' было **ньръ* > *перть*. И. Срезневский приводит его из *Поучения Ильи, арх. Новгородского* (XII в., сп. XV в.) в написании *перть*.¹⁹ Что *перть* означало в то время баню, подтверждается, с одной стороны, значением слова *переть* (со вторым полногласием), обнаруженным мною в *Слове св. Григория* (сп. XVI в.),²⁰ а с другой, производным от **ньръ* *прѣперетокъ* (Новгород) 'предбанник, сени, передняя у бани'.²¹ С **ньръ* бесспорно связано также др.-р. *прѣвьръть* 'преддверие, сени, притвор'.²² К образованию ср. *прѣзба* зап. 'часть избы, отделенная сенями, покойчик, комната', псков. 'клеть пристроен'.²³ Сюда же относится приставочное

¹⁷ Бломквист пишет (*ук. соч.*, стр. 263): "Там, где печи использовались для мытья, их делали особо вместительными: внутри около метра или чуть выше высотой и с "просторным" устьем... человек влезал в печь ногами вперед и ложился на солому, головой к устью; за ним задвигали заслонку, и он, окуная пучок соломы или мочала в небольшую посудину с водой, прыскал им на свод печи, т. е. поддавал себе пару, сколько надо, и "хвостѣлся" распаренным в горячей воде венником. После паренья и мытья оканивались холодной водой в сенях или во дворе..." – Полагаю, что мытье в русской печи существует кое-где в России и поныне. Кандидат филол. наук Н. В. Подольская рассказывала мне в 1962 г., что ей приходилось где-то у южновеликорусов испробовать паренье в печи. – Ср. также Lauri Kettunen, *Tieteen matkamiehenä*, Porvoo 1945, стр. 295–296; Pertti Virtaranta, *Tverin karjalaisten entistä elämää*, Porvoo 1961, стр. 80; Talve, *op. eit.*, стр. 388, 408.

¹⁸ Talve, *op. eit.*, 510–511.

¹⁹ И. Срезневский, *Материалы для словаря древне-русского языка II*, стр. 920, 1772.

²⁰ См. сноску № 16.

²¹ В. Даль, *Толковый словарь...*, третье изд., т. III, стр. 1131. См. также статью А. Шахматова в ИОРЯС VII: 1, стр. 303, где указана также искаженная форма *прѣпрѣтокъ* (Тверь) 'предбанник'.

²² М. Vasmer, *Russisches etymologisches Wörterbuch II*, стр. 433.

²³ Даль III, стр. 1080.

образование – др.-р. *пальрть* ‘преддверие, притвор церковный, паперть’.²⁴

Эйно Ниеминен выводил **пльрть* из общеслав. глагола **рьрати*, **перр*. Этот глагол в различных слав. языках имеет значения ‘бить, колотить’ и ‘стирать, мыть’ (например, др.-р. *пьрати* ‘стирать, мыть’, р. обл. *прать* ‘бить, колотить; стирать выжимая, колотить пральником’). Сопоставив названные лексемы с соответствующими словами балт. языков (лит. *peĩti, periu* ‘mit dem Badequast schlagen, baden’, лтш. *pẽrt, peĩu* ‘schlagen, prũgeln; mit dem Badequast schlagen, baden’), которые, по его мнению, являются родственными образованиями и восходят к иде. корню **per-* ‘schlagen’, он предполагает и для глагола **рьрати* значение ‘бить веником’.²⁵ Однако это значение для слав. языков не зафиксировано, и поэтому вряд ли его можно предполагать. Даже др.-р. глагол **пльратися* не означает ‘хлестать себя веником’, а лишь ‘быть стираемым, быть мытым’. В значении ‘хлестать себя веником’ в др.-р. выступает *хвостатися* (Ипатьев. сп.: *и возмутъ вьнькы и начнуть хвостатися*; в Лавр. сп.: *и бьють ся сами*). Ср. далее *хвостание* ‘хлестание веником’: *хвостания въ мовници* (Златоуст. XIV в., Ефр. Сир.). Эти слова, понятно, связаны с *хвостъ* в значении ‘*веник’. Я полагаю, что слово **пльрть* стало известно впервые той части северных славян, которые, в середине I тысячелетия н. э., продвигаясь на север вверх по Днепру, вошли в контакт с ответвлениями древних балт. племен.²⁶ В это время, приблизительно в VI в., славянские племена, еще не достигнув бассейна Ильменя (VII–VIII вв.), перенимают у балтийцев срубную технику и начинают возводить наземные постройки (**пльрть*), которые, по крайней мере, в холодное время года могли служить как баней, так и жильем.²⁷ Поэтому весьма вероятно, что слово **пльрть* является проникновением из словаря тех древних балтийских племен, которые были затем ассимилированы северными славянскими племенами. Срубные постройки

²⁴ Ср. Срезневский II, стр. 878.

²⁵ Eino Nieminen, *Ein Beitrag zu der ostslavischen und ostseefinnischen Badeterminologie* (= *Lingua Posnaniensis* III), Poznań 1951, стр. 214–215.

²⁶ К продвижению славянских племен см. Ф. П. Филин, *Образование языка восточных славян*, Москва-Ленинград, 1962, стр. 134, 158, 159. – К др.-р. глаголу ср. р. обл. *хвостаться* ‘париться в бане’, *нахвостать* (*нахвощивать*) ‘настегать в бане веником’ (Даль IV, стр. 1177; II, стр. 1277); *игагбница поспела, ерохвоститься пора* (Даль, *Пословицы...*, стр. 584).

²⁷ К датировке появления срубных построек см. Бломквист, *ук. соч.*, стр. 14 и Talve, *op. cit.*, стр. 473, 510.

у новгородских и ильменских славян распространялись медленно, и еще в IX–X вв. среди них встречаются землянки.²⁸

Значение слов *паньрть* и *прпньрть* ‘сени, преддверие, (притвор)’, т. е. ‘неотапливаемое помещение’, связано с новой строительной техникой, которая была перенесена с жилья-бани на нежилые пристройки. Между прочим, префикс *па-* в *паньрть* определенно указывает на ее “неполноценность”. На бытование слова *перть* и в восточных частях России указывает тот факт, что оно было заимствовано марийцами (*pört* ‘Stube, Wohnhaus’), а у них чувашами (*pürt* ‘Wohnhaus’).²⁹ На древность слова *перть* указывает также то, что производное от него *панпръть* ‘vestibulum’ встречается в двух цсл. текстах.³⁰

Очень любопытно взаимоотношение др.-р. **нърть*, лит. *pirtis* и фин. *pirtti*. В фин. языке в значении бани известны три названия: *sauna* (первоначально ‘баня-землянка’),³¹ *pirtti* (имеет в диалектах также значение ‘[батрачья] избушка’) и *kyly*. *Sauna* бытует повсеместно,³² а *kyly* в восточных пограничных волостях. Слово *pirtti* ‘баня’ доминирует на западе Финляндии, тогда как на востоке страны оно не известно. Здесь баня называется *sauna*, т. е. так же, как и на севере.

²⁸ См. описание роменско-боршевских городищ VIII–IX вв. у Бломквист, ук. соч., стр. 11–12. – О полуземлянке, которая служила и жильем и баней, арабский географ Ибн-Русте (IX–X вв.) сообщает следующее: “В земле Славян холод бывает до того силен, что каждый из них выкапывает себе в земле род погреба, который покрывает деревянною остроконечною крышею, какие видим у христианских церквей, и на крышу эту накладывает земли. В такие погреба переселяются со всем семейством и, взяв несколько дров и камней, раскаляют последние на огне докрасна. Когда же раскалятся камни до высшей степени, поливают их водой, от чего распространяется пар, нагревающий жилье до того, что снимают уже одежду. В таком жилье остаются до самой весны”. (Д. А. Хвольсон, *Известие о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда Бен Омар Ибн-Даста*, СПб., 1869, стр. 32–33.)

²⁹ См. статью Martti Räsänen’a в журнале *Finnisch-ugrische Forschungen XXVI*, стр. 134.

³⁰ См. L. Sadnik & R. Aitzetmüller, *Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten*, ’s-Gravenhage 1955, стр. 84. – С конечным *ь* слово *паньрть*, равно как и *прпньрть* зафиксированы и в ряде др.-р. памятников (см. Срезневский II, стр. 878, 1449). Ср. также *прикльть* ‘пристройка у клетки’, где *-ь* вм. ожидаемого *-ъ*. О переходе основ на *і* к основам на *о* в некоторых сложных словах в слав. языках см. в статье Ниemi-на, ук. соч., стр. 213–214.

³¹ Erkki Itkonen, *Eräistä Knud Leemän lapin sanakirjoissa mainituista sanoista* (= Nimi ja asia. Juhlakirja K. Vilkkunan 60-vuotispäiväksi), Helsinki 1962, стр. 70 сопоставляет фин. *sauna* с саамским *suow’dnje* ‘яма, выкопанная в снегу для ночлега или для защиты от ветра’.

³² Talve, *op. cit.*, стр. 283, 284, 346.

Талве полагает, что *pirtti* имело первоначально значение срубной постройки, снабженной каменкой.³³

Ниёминен пытался доказать, что фин. *pirtti* было заимствовано из др.-русского **ньръть* (до перехода *ьр* в *ер*).³⁴ Мне кажется это всё же неправильным решением вопроса. Во-первых, спрашивается, почему *pirtti* всецело отсутствует в восточных говорах фин. языка, соприкасающихся с восточными прибалтийск.-фин. языками, где это слово имеется, хотя и в ином значении ('изба'). Как известно, для фин. заимствований из русского характерно, как правило, то, что они крепко осели именно на востоке Финляндии и часто не входят в словарный фонд западных фин. наречий. Во-вторых, совершенно непонятно, почему др.-р. **ньръть* отражено в восточных прибалт.-фин. языках не с *i* в первом слоге этого слова, а с *e* (ср. кар. *pertti*, олон. *per't'i*, людик. *per(t')t'i*, вепс. *peft'* 'изба'). В названные языки слово вошло, понятно, из русского после перехода *ьр* в *ер*. Я категорически отрицаю гипотезу Ниёминена о возможности бытования этого слова в вост. прибалт.-фин. языках до указанного звукового изменения.³⁵ Ниёминен полагает, что переход *i* в *e* в этих языках произошел под влиянием нового произношения нашего слова: **ньръть* > *нерть*. Однако переход *ir* в *er* в древних прибалт.-фин. заимствованиях из русского совсем не отмечается. Ср. *сьрънь* > кар. *t'širppi*, людик. *t'širp*, вепс. *širp*; *вьрба* > кар. *virbo-*, олон. *virboi* 'вербное воскресенье', людик. *birboi* 'то же; верба', вепс. *biřbind'ad* 'вербное воскресенье'; *вьрза* > кар. *viržu* 'верзень', олон. *virzu* 'то же', эст. *virso-*.³⁶

Слово *нерть* вост. прибалт.-фин. племена заимствовали в связи с их знакомством с русской срубной техникой. Для их бани, представлявшей собой в начале настоящего тысячелетия, как следует полагать, (полу)землянку, у них уже издавна имелось собственное название (ср. кар., олон., людик. *külü*), и русское заимствование было перенесено только на новое жилое помещение – избу.³⁷ Исче-

³³ Talve, *op. cit.*, стр. 347.

³⁴ Nieminen, *op. cit.*, стр. 217, 218.

³⁵ Nieminen, *op. cit.*, стр. 217.

³⁶ К **вьрза* см. И. С. Вахрос, *Наименования обуви в русском языке I* (= Приложение к Ежегоднику Института по изучению СССР в Финляндии), Хельсинки, 1959, стр. 78, 79, 81, 206. – Исключение составляет переход *i* > *e* в этих словах язык ингерманландских финнов, испытавший на себе сильное влияние со стороны русских произносительных норм. См. об этом в работе R. E. Nirvi, *Die Stellung der ingrischen Dialekte* (= Sitzungsberichte der finnischen Akademie der Wissenschaften), Helsinki 1960, стр. 156.

³⁷ Ср. Talve, *op. cit.*, стр. 472.

зновение соответствующего слова из эст., ливского и водского языков (балтийского происхождения!), объясняется тем, что в быту этих народов жилая рига (срв. эст. *rehe(tuba)*, *-tare*) заняла ведущее положение, а баня с давних времен называлась *saun(a)* (лив. *soona*).³⁸

Слово *pirtti* появилось в языке предков финнов тогда, когда они обитали еще на южном побережье Финского залива. Произошло это незадолго до начала нашей эры. Слово было заимствовано одновременно с срубной техникой у балтов, а не у славян. Как известно, языковых контактов у прибалт. финнов со славянами тогда еще не было.³⁹ Яло Калима относил также фин. *pirtti* к балтизмам. Однако при этимологизации этого слова он допустил ошибку, относя к этому же источнику соответствующие кар., олон. и вепс. слова,⁴⁰ которые, как мною уже было указано, заимствованы значительно позднее из русского *перть*. Этимология Ниеминена была, насколько мне известно, поддержана только Рейно Пелтола.⁴¹

В значении мытья как в бане, так и вообще в закрытом помещении в др.-русских памятниках выступают следующие слова, восходящие к глаголу *мыти*: *мовь* (< *мъвь*), *мъвь* (отвердение *в*), *мъвеніе*, *мовенье*,

³⁸ Слово *külli* восходит, вероятно, к глаголу с значением 'мыться, париться; купаться'. Эти значения имеются у кар.-олон. глагола *küilbe-*. См. Y. H. Toivonen, Erkki Itkonen, Aulis J. Joki, *Suomen kielen etymologinen sanakirja II*, Helsinki 1958, стр. 254.

³⁹ См., например, V. Kiparsky, *Chronologie des relations slavo-baltiques et slavo-finnoises* (= Revue des Études Slaves 24), Paris 1948; Э. Ниеминен, *К вопросу о влиянии праславянского языка на прибалтийско-финские языки* (= Beogradski Međunarodni Slavistički Sastanak (15–21. IX. 1955), Beograd 1957.

⁴⁰ J. Kalima, *Itämerensuomalaisten kielten balttilaiset lainasanat*, Helsinki 1936, стр. 148. – Ниеминен (ук. соч., стр. 217) высказал мысль, что в случае заимствования фин. *pirtti* из балт. (ср. лит. *pirtis*) оно звучало бы в современном фин. языке **pirsi* (< **pirti* < **pirte*; ср. фин. *niisi* 'нитенка' (род. *niiden*) < **niti* < **nīte* < балт.; лит. *nūtis* 'Hevelte, Weberschaft'. Дело в том, что балт. основы на *i* переходили в прибалт.-фин. языках в основы на *e*. Ср. фин. *hanhi* 'гусь', род. *hanhen*, основа *hanhe-* < балт.; др.-лит. *žansis* (Kalima, *op. cit.*, стр. 96). Однако Ниеминен при этимологизации фин. *pirtti* оставил без должного внимания наблюдения Калимы (см. указ. соч., стр. 53), согласно которым балт. *k*, *t* внутри слова после гласных и плавных звуков отражались как *kk* ~ *kk*, *tt* ~ *tt*. В журнале *Virittäjä*, 1932 г., стр. 396 Калима пишет: "Если бы балт. *-t-* было отражено как *-t-*, то мы имели бы, очевидно, вместо слова *pirtti* **pirsi*, род. *pirren*, с основой **pirte-*, но поскольку вместо *-t-* появилось *-tt-* и таких слов с *-e* не было, пришлось обратиться к такому типу, к которому примыкали сходные слова в заимствующем языке, и это были слова на *i*". Калима, следовательно, подчеркивает тот факт, что в прибалт.-фин. языках вовсе нет основ на *e*, в которых перед *kk*, *tt*, *pp* находился бы согласный звук.

⁴¹ Reino Peltola, *Suomen pirtti ja vasta sanain lainälähde* (= *Virittäjä*, 1954 г.), стр. 81–82.

мывь, мытва.⁴² Типичными *popina loci* являются др.-р. *мовьяня, мовьница*.⁴³ Эти наименования бытовали в др.-русском языке наравне со словом *мыльня*. Судя по памятникам, последнее появилось позднее, чем *мовьяня, мовьница*. Впервые *мыльня* встречается в Софийском времен. 1534 г. (Срезневский II, стр. 216). Оно означало как баню, так и помещение, где не парятся, а только моются.⁴⁴ У предков великорусов, ходивших в баню, слово *мыльня* стало уже в древности уступать место заимствованному термину *баня*.⁴⁵ Это слово ведь мы встречаем ещё в легенде о путешествии апостола Андрея. В тексте упоминаются *бани деревянные*. Древнейшие памятники отмечают также – в значении крещения – *баню пакыбытия*; в Минее 1096 г.: *баня пакыбытишская* (Срезневский, Доп., стр. 7). Характерно, что *баня* в ц.-сл. выступает и в значении купели. Ср. греч. *κολυβήδρα* ‘купальня; купель’. В значении ‘(парная) баня’ или ‘помещение для мытья теплой водой’ это слово известно в настоящее время следующим восточно- и южнослав. языкам: р. *баня*, обл. сев. *байна, баенка*⁴⁶ (др.-р. *банити* ‘lavage’, р. юж. и зап. *банить* ‘мыть’ [на Дону: *б. белье, полы, посуду*],

⁴² Ср. в описании бани новгородцев, приписываемом Андрею Первозванному: творять... *мовенья собъ* (Лавр. сп.); в договоре Руси с Византией 907 г., где русские выговаривают себе право пользоваться царьградскими банями: и да творять имъ (= русским) *мовь*, елико хотять (Ип. сп.).

⁴³ Во второй мести Ольги, связанной с ритуальным обмыванием покойников (в этом случае *in spe*), читаем следующее: *Повель Ольга мовьню* (Радзивиллов. сп.), *мовницю* (Ип. сп.) с(ъ)творити. D. Gerhardt, *Über Vorkommen und Wertung der Dampfbäder* (= ZslPh. XXIV: 1), Heidelberg 1955, стр. 85 прав, указывая (вслед за Д. С. Лихачевым), что это место в ПВЛ не доказывает распространения бани в древнем Киеве, а что здесь речь идет о “Totenbad”. – Даль II, стр. 871: *мовня, мовница* стар. и ныне зап., юж. ‘мыльня, умывальня, баня’.

⁴⁴ Ср. примеры: Логин купил *мылну* на Колмогорах (Книги расходные Карельск. Никол. мон-ря 1560–63 гг., рукопись, Картотека Древнерусского Словаря = КДС); А въ дворѣ... изба да *мыльня съ передмыленьемъ* (1579 г., КДС); А постронть две избы поземные, промеж ими сени, на сенех чердачек, позади *мыльню* (Акты Кадашев. 1665–75 гг., КДС); Словарь западно-русский (славяно-латинский), ркп. № 2113 Госуд. Историч. Музея XVII в. переводит слово *мылна* – ‘balneum, lavacrum’. – Даль II, стр. 954: *мыльня, мыльна* стар. зап., юж. ‘баня’, сев. ‘особая комната в бане, где только моются’.

⁴⁵ Из русского *мыльня* заимствовано в чувашский – *mol’D’ža, miñD’ža* > марийский *mol’ča, moñd’ža*. См. Martti Räsänen, *Die tschuwassischen Lehnwörter im Tschere-missischen* (= MSFOu XLVIII), Helsinki 1920, стр. 154.

⁴⁶ Ср. др.-р. *банья*: Поставити изба трехъ сажень, да клѣть, да *банню* (XVI в., см. Срезнев., Доп., стр. 7). – Филин, *ук. соч.*, стр. 215, по-моему, прав, высказывая мысль, что “эта форма [он говорит об обл. слове] возникла под влиянием *баять* ‘заговаривать’ (бани использовались в некоторых деревнях суеверными людьми для лечения...)”. Я думаю, что др.-р. *бальнии* (XII–XIII вв.) вм. *баньнии* не описка,

‘купать в теплой воде’), укр. и бр. обл. *баня* (где обычно иные значения); болг. *баня* ‘баня; ванна’ (*бáням се* ‘купаюсь, принимаю ванну’), сербохорв. *бања* ‘курорт; баня’ (*бањати се* ‘купаться в теплой воде’), словен. *banja* ‘ванна’.

В западнослав. языках однозвучные лексемы выступают, между прочим, в следующих, иных значениях: польск. *bania* ‘рудник; соляные копи’, ‘купол, свод’, ‘выпуклый сосуд’, ‘тыква’, ст.-чеш. *báně*, чеш. *baň* ‘луковичный купол’, ‘пузатый сосуд’, ‘осиное гнездо’, *baně* мн. ч. ‘рудник’, ‘широкие ганацкие брюки’, словацк. *baňa* ‘купол’, *baňka* ‘мыльный пузырь’. Любопытно, что похожие значения фиксируются и в восточнослав. языковой среде. Например, укр. *баня* (основные значения) ‘купол на церкви, вообще на строении’, ‘солеварня’, ‘целебный источник’ (*банька* ‘куполок’, ‘глиняный сосуд’, ‘белок глаза’, ‘пузырь водяной’), р. юж. и зап. *баня* ‘купол, свод’, ‘шар’, ‘мыльный пузырь’, *баньки* ‘глаза’, р. юж. и зап. *баня* ‘купол, свод’, *баньки* ‘глаза’, зап. ‘пузатая посуда’.

Еще Срезневский в своих *Материалах* (I, стр. 41) сравнивал др.-р. слово *баня* с соответствующими словами роман. языков. Затем А. Мейе опроверг беспочвенные теории относительно опосредствованного (герм.) заимствования этого слова.⁴⁷ Его высказывания о роман. происхождении слова были поддержаны и углублены, между прочим, А. Бохачом и Ст. Романским.⁴⁸ М. Фасмер, руководствуясь “нелингвистическими данными” (его слова), считал сначала, что р. *баня* восходит к ср.-греч. этимону (*βάνειο, pl. *βάνεια < ит. *bagno* < лат. *balneum* † *stagnum*),⁴⁹ но позднее он отказался от этого фантома и указывал на вульг.-лат. этимон **bāneum* (к лат. *balneum* < гр. βαλανείον ‘Badstube, warmes Bad, Badeanstalt’).⁵⁰ Х. Эстеррейхер подчеркивал общеславян-

как полагали St. Romansky, *Lehnwörter lateinischen Ursprungs im Bulgarischen* (= Jahresber. der Instit. f. rumän. Sprache XV) Leipzig 1909, стр. 92 и А. Brückner, *Über Etymologien...* (= KZ 45), Göttingen 1913, стр. 26, а объяснимо влиянием слов *балии*, *балия* (< ст.-слав.) ‘врач’, *бальство* ‘лекарство’. Следует лишь вспомнить, что в банях не только ворожили, но и лечили, ставили банки и т. д. Лат. *balneum* с -/здесь, конечно, ни при чем.

⁴⁷ А. Meillet писал (в журнале *Mémoires de la Soc. de Linguist. de Paris* XI (1900), стр. 179): “Il n’y a pas non plus de raison de croire que v.sl. *banja* (issu du pluriel **bānea* de **bāneum* [fr. *bain*, it. *bagno*], ancien *balneum*) ait passé par un intermédiaire germanique”.

⁴⁸ А. Boháč (*Listy Filologické* 35), Praha 1908, стр. 370; St. Romansky, *op. cit.*, стр. 92–.

⁴⁹ *Греко-славянские этюды III*, СПб., 1909, стр. 261.

⁵⁰ *REW II*, стр. 52. Сторонником роман. теории был также М. Murko; см. его статью *Die Schröpfköpfe bei den Slaven* (WS V, 1913, стр. 1–42). – Romansky, *op. cit.*,

ский характер слова и считал, что такие его значения, как, например, 'рудник, копи', 'различные выпуклые сосуды' выводятся из основного значения 'кариел' сложно.⁵¹ Он поддерживал мнение Брюкнера, согласно которому исконное значение славянского слова было 'яма (для купанья)'.⁵² Ссылаясь, м. пр., на польск. *banior* 'топь, трясына', Р. Galas приходит к выводу, что польск. *bania* означало первоначально углубление.⁵³ Г. А. Ильинский, исходя из многозначности слова *banja*, видел в нем исконно слав. слово и старался вывести его из иде. корня.⁵⁴ Столь же загадочной, как этимология Ильинского, остается для меня этимология В. Махка. Он пишет: "Psl. *baňa* z ř. βαλανεῖον *lázeň*: βαλα- > **baja*- (*j* disimilací?) > *bā*, dvojslabičnost, zakončení a rod jsou od vlivu domácího slova *lazňa*".⁵⁵ Чем объяснить диссимилиацию и затем стяжение? И далее, сам же автор этимологии того мнения, что ст.-ч. *lāzn*, род. -*i* (ч. *lázeň*) восходит к **laznъ*.⁵⁶ Ввиду отсутствия первичного значения у нашего слова в западнославянских языках, Ф. П. Филин считает, что в данном случае можно предположить "самостоятельные заимствования в западную диалектную зону (из народной латыни) и в юго-восточную зону (вероятнее всего, непосредственно из греческого), поскольку видимая семантическая связь (если не прибегать к натяжкам) между западным и юго-восточным словом отсутствует".⁵⁷

стр. 92 писал: "Ein mgriech. Medium anzunehmen, wie Berneker, Et. Wtb. 42 f., ist nicht notwendig, denn die rom. Sprachen: span. *baño*, port. *banho*, frz. *bain*, it. *bagno* etc. lassen aus lat. *bal(i)neum* (gr. βαλανεῖον) ein vlat. **baneum*... oder **bagnum*... aus dem belegten *balneum*... erschiessen, das auf der Balkanhalbinsel direkt den Südslaven in der Pluralform **bānea* übermittle sein könnte und dann in den Russen gewandert ist". – К этому можно добавить, что в лат. слово обычно выступало во мн. ч.: *balnea* 'Бäder, die ganze Badeeinrichtung'. – На существование вульг.-лат. **baneum* указывают также W. Meyer-Lübke, *Roman. Etymol. Wtb.*³, Heidelberg 1935, стр. 75 и O. Bloch & W. v. Wartburg, *Dictionn. étymol.*, Paris 1950, стр. 51. – К этимологии болг. баня см. *Български етимол. речник I*, София 1962, стр. 32. Там же указана топонимика: *Баня, Баница, Баните* и др. – Этимология греч. слова неясна. Н. Frisk, *Griech. etymol. Wtb. I*, Heidelberg 1960, стр. 213, сильно колеблясь сопоставляет его с βάλανος 'жёлудь, плод, похожий на жёлудь, финик' → 'различные предметы, похожие на жёлудь', м. пр., 'запор такой формы' → βαλανεῖον 'замкнутое помещение'.

⁵¹ Н. Oesterreicher, *Bania i laznia* (< *Jezyk Polski XVI*), 1931, стр. 9–10.

⁵² А. Brückner, *Slownik etym. jęz. polsk.*, Kraków 1927, стр. 14.

⁵³ Р. Galas, *Pierwotne znaczenie bani* (= *Jezyk Polski XVI*), 1931, стр. 8.

⁵⁴ См. ИОРЯС XXIII: 2, 1918 г., стр. 202. Ильинский предполагает иде. корень **b(h)ōi-* (расширение тяжелой базы **b(h)ō-* 'вздвигаться' + суффикс *-ija*). J. Pokopny, *IEW I*, стр. 104 приводит только иде. *bhā-, bhō-, bhə-* со значением 'блестеть, светить'!

⁵⁵ V. Machek, *Etymol. slovník jaz. českého a slovenského*, Praha 1957, стр. 24.

⁵⁶ *Ibid.*, стр. 260.

⁵⁷ *Ук. соч.*, стр. 215.

Эта рабочая гипотеза выглядит весьма заманчивой. Однако мне думается, что ее трудно принять. Во-первых, как уже говорилось, греческого этимона для слова не подыскать. Во-вторых, не следует забывать, что, например, такое значение слова, как 'рудник, (соляные) копи', имеющее довольно обширный ареал распространения (ср. в польск., чеш., болг., укр.; в ст.-рум., где *bañe* 'Bad; Bergwerk' < болг., и в венг., где *banya* 'Bergwerk; Bad'),⁵⁸ можно, по-моему, объяснить только сравнительно давним знакомством и зап. славян с римской баней и ее наименованием.⁵⁹ Еще в бóльшей мере это относится к значению 'купол'.⁶⁰ Мне думается, что слово было известно в значении бани (римской) и западнославянским языкам, но оно рано выпало из их словарного фонда.⁶¹ Судя по др.-р. и р.-цсл. памятникам, слово *баня* имело первоначально, во всяком случае в южных областях Руси, такие значения, как 'особое место или помещение для мытья', 'сосуд', 'купель', 'омовение', 'купол'.⁶² На севере Руси *баня* рано вытесняет *перть* в значении 'русская парная баня'. Из русского слово заимствовано, м. пр., в язык коми – *baña* – и в мордовский – *baña, bañe*.

⁵⁸ О значении 'рудник' у болг. слова см. в ук. соч. Ст. Романского, стр. 93. – В украинском яз. это значение можно, конечно, объяснить и как полонизм.

⁵⁹ К переходу значения 'баня' → 'рудник' см. точнее в Этимол. сл. Махка, стр. 24. – Известно, что, напр., в Константинополе в банях содержались узники, галерные рабы. Отсюда ит. *bagno* означало также 'Arbeitshaus'. См. W. Meyer-Lübke, *Rom. etym. Wtb.*, стр. 914.

⁶⁰ Е. Голубинский, *История Русской церкви I*, Москва, 1904, стр. 22–23, пишет: "Баня у римлян состояла из нескольких отделений, именно: отделения холодного или купальни... отделения теплого для мытья теплой водой... и отделения жаркого или потового для паренья... В общественных банях у римлян сферический свод или купол... стал господствующею формою покрова". Далее автор констатирует, что с конца III в. вошло в обиход совершать крещение не в открытых водоемах, а в крещальнях, которые были "точным снимком" с куполообразных бань-баптистериев (стр. 24).

⁶¹ Следует отметить, что римляне эпохи поздней империи (II–IV вв. н. э.), перенявшие зачатки банной культуры у греков, развили баню и сделали ее доступной для широких масс населения. См., напр., Н. Lamer, *Wörterbuch der Antike*, Leipzig 1933, стр. 61. – В польском языке средневековья лат. *balneum* переводится как 'łaźnia, miejsce kąpiel; locus sive aedificium, in quo corpora lavantur' и 'kąpiel; actus balneandi, lavandi' (1382–83 гг.). См. *Słownik Łaciny średniowiecznej w Polsce I*, Warszawa 1953–58, стр. 1026.

⁶² Приблизительно такие значения подает КДС. К примерам, известным по *Материалам* Срезневского, добавим еще два-три: На томъ же Владычнемъ островке царя... *баня* надъ рекою надъ Волховымъ... (Кн. писц. Новг. XVI в., КДС); А продали есмя тот двор в Черной реки... а на улицы *баня* против двора (Соловец. креп. 146, XVI в., КДС). – Особенно интересен следующий пример, где дается описание комфортабельной бани: "Позади тѣхъ хором на левой сторонѣ *баня* с

В северных и восточных частях Белоруссии, граничащих с великорусскими областями, на севере Украины, а также в ряде южн. и зап. русских диалектов, баня называется *лázня* (ср. бр. *лázник* ‘банщик’, *прылázник* ‘предбанник’; укр. *лázня* ‘баня; яма для сохранения хлеба в зерне’, *лазнiк* ‘банщик’).⁶³ Бернекер полагает, что значение бани у этого слова возникло в юж. и зап. говорах р. языка под влиянием украинского языка. Однако вряд ли это так, поскольку согласно данным КДС *лазньня* встречается в значении бани, начиная с XII в.⁶⁴ В настоящее время это слово известно лишь восточным и западным славянам. Мне думается, что из сев. диалектов вост.-слав. языковой области оно уже рано было вытеснено словом **нърть*, а в южнославянской – словом *баня*. Ср. польск. *łaźnia* ‘Badehaus, Bad’, в. и н.-луж. *łaźnja* ‘Badstube’, ст.-ч. *lázň* ‘Bad, lavacrum’ (и *lázna, lázně* ж. р.), ч. *lázeň* ‘id.’ (*Marianské Lázně* ‘Marienbad’).

Обычно это слово производят от глагола **laziti*. М. Фасмер, ссылаясь на целый ряд этимологов, пишет: “Zu *lázumь* ‘klettern’ als Bez. des Holzgerüstes des russ. Dampfbades, ähnlich der finn. *sauna*”.⁶⁵ Следует, однако, учесть, что древние лазни были значительно примитивнее нынешних. Это были землянки, куда спускались и ‘лазили внутрь’ через узкую (дверную) щель или даже через крышу.⁶⁶ Поэтому каза-

передбанником бъялая длиною 3-х саженные, в бане печь кирпичная, 2 полка дощатые, на стенѣ окно красное, в передбаннике кровать дощатая, в передбаннике ж очаг кирпичной с трубою, в бане и в передбаннике полы и потолки и лавки дощатые (Собр. Там. 208, Перепис. кн. Каширск. зав., 1620 г., КДС). – К развитию значений у р. *банка* (в Лексиконе Вейсманнова 1731 г., стр. 362 еще *банька*) ‘прибор для отсасывания крови’, укр. *бан(ь)ка* ‘то же’, словен. *bānja* ‘ванна’, ч. *baň* ‘пузатый сосуд’, *baňka* ‘мед. банка’, п. *baňka* ‘то же’, в.-луж. *baňka* ‘любой пузатый предмет’ и др. см. Vasmer, *REW I*, стр. 51, где указана и литература. – К п. *bania* ‘тыква’ ср. применение полой тыквы при пускании крови. См. об этом в статье R. Meringer’a, *Lateinisch cucurbita ventosa...* (WS IV, 1912), стр. 183.

⁶³ “В Ряз. *лазни* устраивались в виде землянок, на берегах рек, или около какой другой воды; для проникновения в баню оставлялось отверстие, в которое можно только вползать, а не входить (*Словарь русск. яз., сост. Вторым Отдел. АН V:1, П-град, 1915, стр. 114*). – Временные жилища-бани (*лесная избушка* – Арх. обл.; *зимница* – Костром., Владимир. и Горьков. обл.; *чадовка* – Киров. обл.) снабжены низкими дверями, через которые можно только пролезать на четвереньках. Входная дверь на Севере называется *лазейка*. См. Бломквист, *ук. соч.*, стр. 17.

⁶⁴ Любопытно, что в рукописи XVIII в., под названием *Книга нарицаемая Козмография* (из собрания В. Н. Перетца, 50 об., КДС), им. и вин. падеж мн. ч. написаны в форме *лазнь*, что может отражать др.-вост.-сл. форму *лазньнѣ* от *лазньня*. – См. Е. Berneker, *SEW I*, стр. 697.

⁶⁵ Vasmer, *REW I*, стр. 52.

⁶⁶ В р. языке *лазня* означает по диалектам не только баню и доску для всхода вверх или схода вниз, но и подполье, а также сушильную яму. См. *Словарь р. яз.*,

лось бы, что объяснение Брюкнера “do dołu w ziemi wlaził (stad *łaźnia*) Słowianin” более приемлемо.⁶⁷ Эстеррейхер, правильно относя п. *laz* ‘выкорчеванное поле’ к глаголу **laziti*, пытался связать слово *łaźnia* с процессом выкапывания (*‘яма’ > ‘баня’).⁶⁸ Но эта его мысль мало убедительна. Мне кажется, что связь у этого слова с **laziti* вторичная, и возникла она на почве переосмысления уже давным-давно, когда баня действительно представляла собой подобие ямы-землянки, в которую влезали.⁶⁹ По-моему, ближе к истине Махек (*Slavia XXI*, стр. 283),⁷⁰ который возводит ст.-ч. *lāzn* к **lazнь* (суффикс *-zнь*) и далее к исчезнувшему в слав. языках глаголу **lāti* ‘мыть’. Он сопоставляет этот глагол с лат. *lavāre* < иде. корень **lovə-* (точнее **loцə-*). На славянской почве **lovə* подверглось по Махеку стяжению: **lā-* (в связи с чем заместительная долгота: *ā*).⁷¹ Можно предположить, что мена суффикса в части слав. языков, знающих это слово, произошла под воздействием со стороны *baňa*. Если приведенная выше этимология правильна, то слово **lazнь* может быть отнесено к праслав. лексике. Возможно, что среди славянских племен на их прародине лазня представляла собой баню-землянку, в которой древние славяне даже ‘хвостались’. Отметим лишь, что др.-русскому *хвостати* ‘парить веником’ соответствует ст.-ч. и ч. *chvostati* ‘то же’ (от *chvost* ‘хвост; банный веник’).⁷² Итак, согласно моему представлению наименования (парной) бани идут в следующем хронологическом порядке: **lazнь*, **baňa*, **pьrtь*.

Др.-р. слово *истьба* (> *изба*), *истобька* мной здесь не рассматривается по двум причинам. Во-первых, я, естественно, ограничен рамками статьи, а, во-вторых, это слово лишь случайно связано с понятием

сост. Втор. Отд. АН V:1, стр. 114 (1915 г.). – Moszyński, *op. cit.*, стр. 533 пишет, что разбираемое нами название сохранило память о давней землянке. Он указывает на существование бань-лазень в Белоруссии (под Гродно). Такие лазни целиком выкопаны в земле. – По Талве, *ук. соч.*, стр. 410 бани (парные) известны в Польше только в районах, прилегающих к Литве и Белоруссии.

⁶⁷ А. Brückner, *SEJP*, Kraków 1927, стр. 14В.

⁶⁸ Н. Oesterreicher, *op. cit.*, стр. 10.

⁶⁹ Этим, может быть, объясняется др.-р. *вlazити въ баню*. Ср. смол., вят. *лезь в избу!* ‘войди! просим в избу’.

⁷⁰ См. также его *Etymol. slovník*, стр. 260.

⁷¹ См. J. Pokorny, *Indog. etymol. Wtb. I*, Bern 1959, стр. 692, где еще **lou-*, **loцə-* ‘waschen’, гр. λῶω ‘wasche’, др.-исл. *laudr* ‘Lauge, Seifenschäum’, хеттс. *la-ḫu-uz-zi* (*laazi*) ‘giesst aus’.

⁷² Ср. Nieminen, *op. cit.*, стр. 218 и Machek, *Et. slov.*, стр. 166.

бани (в общеизвестном месте *ПВЛ* речь идет о закрытом помещении для купания).⁷³

⁷³ Об *assum balneum, quod populari lingua stuba vocatur* см. у Gerhardt'a, *op. cit.*, стр. 90. – По ряду как лингвистических, так и этнологических соображений я склонен рассматривать это слово как заимствование из герм. языков. При этом первичное значение слова на славянской почве было 'отапливаемое помещение'. К этимологии ср. Ad. Stender-Petersen, *Slavisch-germanische Lehnwortkunde* (= Göteborgs Kungl. Vetenskaps- och Vitterhets-Samhälles Handlingar 31:4), Göteborg 1927, стр. 244–249; V. Kiparsky, *Die gemeinlavischen Lehnwörter aus dem Germanischen* (= *Annales Academiae Scientiarum Fennicae XXXII:2*), Helsinki 1934, стр. 237–239. – Недавно в *Этимологических исследованиях по русскому языку*, вып. II, изд. Московского Университета, 1962, стр. 44–51 вышла интересная и обстоятельная статья В. В. Мартынова. В этой статье автор считает, что праслав. **ǰstьba* имело изначально значение 'недвижимая собственность, хозяйство, дом'. По его мнению слово было образовано на основе *istь* 'родовой'.